

2. Ю.А. Сорокин/Yu.A. Sorokin

*Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
The Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

ДВЕ ДИСКУССИОННЫЕ РЕПЛИКИ ПО ПОВОДУ КОГНИТИВНОГО БУМА: «КОНЦЕПТ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ?» TWO DISCUSSION REPLICA REGARDING COGNITIVE BOOM: "THE CONCEPT OF METHODOLOGICAL CATEGORY?"

Ключевые слова: когнитивный бум, концепт, знание, соматологическое пространство.

Keywords: cognitive boom, concept, knowledge, somatological space.

В результате анализа различных точек зрения на концепт автор приходит к выводу, что в настоящее время особое значение приобретают исследования, «ориентированные на изучение соматологического я-пространства, соседствующего с соматологическими пространствами «своих» и «чужих» и предопределяющего характер позиции, занимаемой человеком и в мире его значений/смыслов, и в мире его поступков».

The analysis of various points of view on the concept lets the author come to the conclusion that the research «Focused on the study of somatological I-space conterminous to «allied – alien» somatological spaces specifying the nature of man's stand in both world of his values/senses and behaviour» is of prime importance now.

1. Задавая этот вопрос, поневоле оказываешься в той ситуации, о которой писал еще Григорий Палама: «... полагающиеся на словесные доказательства обязательно будут опровергнуты, пусть не сейчас ...; ведь «всякое слово борется со словом», то есть, значит и с ним тоже борется другое слово, и невозможно изобрести слова, побеждающего окончательно и не знающего поражения, что последователи эллинов и те, кого они считают мудрецами, показали, постоянно опровергая друг друга более сильными на взгляд словесными доказательствами и постоянно друг другом опровергаемые» (Палама, 1996: 8).

2. Но в чем же все-таки неправы последователи эллинов? А если и правы – какие доказательства приводят в пользу своих утверждений? И в чем их суть?

В «Кратком словаре когнитивных терминов» *концепт* истолковывается следующим образом: «... термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга ..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике. <...> К. – это скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть

сведено исключительно к образующим его К.; <...> правильнее было бы, наверно, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях» (Кубрякова, Демьянков, Панкрап, Лузина, 1996: 90; 92).

Обсуждая статус концепта, Л.О. Чернейко указывает на следующее: «Термин «концепт» в лингвистике старый и в то же время новый. Еще недавно он воспринимался как абсолютно эквивалентный термину «понятие». В последние годы наметилось сущностное размежевание этих терминов на фоне их исчезающей дублетности. Поиски за термином «концепт» зоны особой референции, отличной от других зон, приводят к закреплению за ним и совершенно особого содержания. Р.М. Фрумкина считает первой на этом пути А. Вежбицкую, определившую «концепт» как «объект» из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность». <...> Основа концепта – сублогическая. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические, рациональные связи его десигната /денотата/ с другими, и алогичные, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком» (Чернейко, 1997: 286-287; 287-288).

В свою очередь, А.П. Бабушкин истолковывает концепт «... как любую дискретную единицу коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде ... вербального обозначения субстрата. Концептуальные сущности близки к понятийным ...» (Бабушкин, 1996: 95; он выделяет следующие виды концептов: мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, сценарии, инсайты, а также «калейдоскопические концепты»).

По мнению А.А. Залевской, необходимо «... четко разграничивать то, что функционирует в голове индивида (т.е. *концепты*) и то, что является продуктом научного (в том числе лингвистического) исследования (т.е. *конструкты*)» (Залевская, 2001: 34; см. также на стр. 30-33 обсуждение точек зрения относительно «термина» концепт). Она также настаивает на необходимости различать «... концепт как достояние индивида (припишем ему индекс «инд») и концепт как инвариант, функционирующий в определенном социуме или мире – культуре (припишем ему индекс «инв»). Будучи носителем языка, исследователь несомненно опирается на КОНЦЕПТ_{инд}, тем самым он не может не отдавать себе отчета в том, что функционирующие у него ментальные образования чем-то отличаются от понятий и значений и далеко не всегда поддаются вербальному описанию. Это обуславливает потребность введения какого-то нового термина и отсюда – готовность принять ставший таким модным термин «концепт», который на самом деле является транслитерацией английского соответствия слову «понятие», что само по себе должно было бы настораживать (особенно в совокупности с фактом многозначности термина «concept»!). <...> ... можно определить КОНЦЕПТ_{инд} как спонтанно функционирующее в

познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» (Залевская, 2001: 88-89; 90).

Показательно также и ее внимание к теории К. Харди, в рамках которой учитываются «... такие особенности познавательной деятельности индивида, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, взаимопереплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно-ментальным сознанием (*mind*) и значимым для него окружением. К. Харди подчеркивает, что подобный подход придает особое значение *взаимодействию тела и разума* (*body and mind*), интегрированию соответствующих процессов в единую сеть с множеством пересечений по разнообразным основаниям. Отсюда следует, что знание у человека никогда не бывает строго абстрактным, оно непременно увязано с рядом сенсорно-аффективных процессов» (Залевская, 2001: 83). Правда, следует учитывать несколько вторичную новизну вышеуказанных утверждений, ибо в разделе шестом («Тело как выражение и речь») книги М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия» (издана впервые в 1945 г.) и в разделе третьем («Внимание» и «Суждение») введения обсуждается та же проблема – существование телесно-логосно-психического как единства: «Движения собственного тела, конечно же, обогащены известным перцептивным значением, образуя с внешними объектами столь тесно связанную систему, что восприятие внешнего не может не «учитывать» перемещений перцептивных органов, находя в них если и не *собственно объяснение*, то, по крайней мере, *мотив* произошедших в зрелище изменений, будучи, следовательно, в состоянии сразу же их понять. <...> Такое следствие идет не от знания, оно является частью естественных перестановок в психофизическом субъекте, оно ... является своего рода приложением к нашей «телесной схеме»... .. восприятие собственного тела и восприятие внешнего дают нам ... пример *не-тетического* сознания, то есть сознания, не обладающего полностью определениями своих объектов, сознание *жизненной логики*, которая не осознает самое себя, и осознание некоего *имманентного значения*, которое не является прозрачным для самого себя и познается только в столкновении с некоторыми естественными знаками. <...> ... существует подхватывание мысли другого с опорой на речь, рефлексия в другом, способность мыслить *согласно другому*, обогащающая наши собственные мысли. В таком случае необходимо, чтобы смысл слов вводился в конечном счете самими словами, или, точнее, чтобы их концептуальное значение формировалось посредством изъятия из *значения жестуального*, которое в свою очередь имманентно речи. <...> Знать какое-то слово или язык – это не значит располагать ... какими-то предустановленными нервными механизмами. <...> От выученного слова у

меня остается стиль его произношения и звучания. О словесном образе следует сказать то, что выше мы говорили о «представленном движении»: мне не нужно представлять себе свое собственное тело и внешнее пространство: чтобы перемещать одно в другом. Достаточно того, что они существуют для меня и образуют некоторое поле действия, очерченное вокруг меня. Таким же образом мне не нужно представлять себе слово, чтобы его знать и произносить. Достаточно того, что я обладаю его артикуляционной, звуковой сущностью как одной из модуляций, одним из возможных способов употребления моего тела. <...> Словесная жестикуляция ... имеет в виду мысленный пейзаж, который поначалу не является данным каждому и которым она обладает как раз для того, чтобы наладить общение. <...> Двум субъектам недостаточно иметь одни и те же органы, одну и ту же нервную систему, чтобы одинаковые эмоции проявляли себя у них одинаковыми знаками. Важен их способ употребления своего тела, одновременное придание формы телу и миру в рамках эмоции. <...> Способ употребления человеком своего тела трансцендентен по отношению к телу как просто биологическому бытию. <...> Страсти и формы поведения придумываются, как и слова. <...> Формы поведения творят значения, которые трансцендентны по отношению к анатомическому устройству и, тем не менее, имманентны поведению как таковому, так как оно учит себя и постигает себя. Нельзя оставить в стороне эту иррациональную способность, которая творит значения и их передает. Речь – лишь частный ее случай. <...> Связь слова с его живым смыслом не есть какая-то внешняя ассоциативная связь, смысл населяет слово, и язык «не есть внешнее сопровождение интеллектуальных процессов». <...> Что же выражает язык, если не мысли? Он представляет или, точнее, он *есть принятие* субъектом позиции в мире его значений. <...> Нельзя определить речь ни как «операцию мышления», ни как «двигательный феномен»: она вся целиком есть двигательная функция и вся целиком – мышление» (Мерло-Понти, 1999: 79-80; 80; 81; 235; 236; 243; 246-247; 251; 253; ср. это также с моделью сознания, предложенной В.П. Зинченко, и истолкованием сознания (и бессознательного?) Н.А. Рубакиным как существующих в «телесности» динамических и разнокачественных мнематических ансамблей).

3. Предложенный выше корпус точек зрения относительно сути *концепта* отнюдь не является исчерпывающим (см., например, об аналогичных подходах: Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова, 1988; Медведева, 1999; Рогожникова, 2000; Сазонова, 2000), но все-таки достаточно представителен. И все же некоторые интерпретационные «оттенки» нельзя не считать в силу своего сходства малосущественными. Например, утверждение Л.И. Медведевой о существовании *концепта* в виде «узлов» в сети, «следов» в поле (Медведева, 1999: 29) или рассуждения Н.В. Рафиковой относительно комплексов/паттернов репрезентаций слова/текста (Рафикова, 1999: 84-00) как фрагментов *концепта*. И именно потому, что эти «оттенки» излишне аподиктичны, не стыкуясь, например, с мнением П.Н. Джонсон-Лэарда о бесполезности анализа ментального лексикона (а, тем

самым и концептов) в терминах семантических составляющих, семантических сетей и «постулатов значения» (Джонсон-Лэрд, 2001: 142).

4. Помимо этого в толкованиях «термина» концепт следует отметить следующие «особенности»:

1) тавтологичность в его определении (в «Кратком словаре когнитивных терминов»),

2) неубедительность разграничения концептов и конструкторов (ибо и те, и другие в равной мере функционируют «в голове индивида»),

3) избыточная детализация (на каком основании?) в видах концептов и их классификационная разнородность, например, у А.П. Бабушкина и П.Н. Джонсон-Лэрда, а также

4) у Л.О. Чернейко и А.А. Залевской: «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование» – вряд ли то же самое, что и сублогическое образование. Это ... «фрагмент индивидуальной картины мира, единица индивидуального знания» (Сазонова, 2000: 81), «достояние индивида» (Залевская, 2001: 88)? Или фрагмент образа мира (мира амодальных структур)?

5. Но самый важный, на мой взгляд, дефект заключается в преимущественном истолковании *концепта* как некоторой сверхрелевантной капсулы *знания* (см., например: Залевская, 2001; Рафикова, 1999: 13; 16; 21; 35; 68; 81; 83; 85; 90; 93; 95; 105; 108; 116; Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова, 1998: 40-41; 111; 119-121; 172), ибо «гедонистическое пространство», в котором ... «моментному состоянию отвечает не одна или несколько, а целая россыпь точек, каждая из которых соответствует отдельно переживаемому чувству», причем «... близкие в том или ином отношении элементарные чувства объединяются по определенным законам, образуя более сложные чувства ...» (Вилюнас, 1990: 208; 209) оказывается в этом случае второстепенным/факультативным. Иными словами, между «аффективным пространством» и интеллектуальным не существует отношений паритетности.

6. Для выхода из такого противоречия следует, по-видимому, отказаться от использования «термина» концепт применительно к *обыденному* вербальному и невербальному человеческому *поведению*, считая, что оно опирается на динамическую совокупность *психологосем /* экспириенситивов (от англ. *experience*), в принципе несводимых к тем «инструментам», которыми располагает интеллектуальное пространство. Говоря иначе, концепты/конструкторы есть не что иное, как результаты рациональных усилий, а психологосемы – неотъемлемые и зачастую неосознаваемые (ингерентные) качества/свойства человеческой и внечеловеческой телесности. В связи с этим особое значение приобретают исследования, ориентированные на изучение *соматологического я-пространства*, соседствующего с соматологическими пространствами «своих» и «чужих» и предопределяющего характер позиции, занимаемой человеком и в мире его значений/смыслов, и в мире его поступков.

(ПРИМЕЧАНИЕ: В контексте таких исследований небезынтересно разобраться в сути того, что можно было бы назвать *соматологическим гештальтом* (ср. с эмоциональным гештальтом Л.М. Веккера) и *соматологической комфортностью*. Небесполезность такого рода сведений очевидна и для «когнитивной лингвистики», и для «лингвистики большого корпуса» (Медведева, 1999: 3), а, точнее говоря, для лингвистики *открытого корпуса*. В частности, есть все основания полагать, что соматологические ассоциации являются свидетельством устойчивости «перцептивных оценок» и в силу этого устойчивости «соматологического времени»).

Так как соматологическое пространство является и пространством чувств/аффектов или, говоря иначе, оно «занято» и эмоциональными концептами (Мягкова, 2000), возникает необходимость рассмотрения статуса этих концептов/конструктов и сопряженных с эмоциями метафор.

С моей точки зрения, эмоция – это нечто *безразмерное*. «Ярлык», указывающий на некоторую агрегацию переживаний. Конкретизацией эмоции является чувство как многосоставной образ-состояние, образ-идентификатор себя и других в определенной ситуации. Короче говоря, эмоция – генотипична, а чувство – фенотипично.

Эмоном (С.Ю. Порфильева) – также безразмерен, лишь имплицитно указывая на невербальные координаты переживания, на те или иные *эмономомолары*, специфицирующие это переживание. Именно они указывают на высшую точку развития чувства – на аффект.

Метафоры, используемые для опредмечивания для аффективно-чувственного пространства, указывают на предполагаемую конгруэнтность состояний некоторых Икса и Игрека, метафоры – это безаргументные доказательства сходства или несходства, совместимости или несовместимости тех или иных переживаний, метаболы, чьи семы указывают на температуру чувства/аффекта.

7. Естественно, что соотношение между соматологическим и супрасоматологическим пространством (см. в связи с этим: Берестнев, 2000; также: Степучев, 1991) оказывается весьма непростым, ибо «многочисленные исследования последних лет показали, что когнитивные стили (полезависимость – полenezависимость) относятся прежде всего к личностному аспекту мышления. Это определяется несколькими причинами:

- 1) стиль является инструментальной, готовой, сформированной структурой мышления;
- 2) стиль объединяет в себе когнитивные и мотивационные компоненты;
- 3) стиль представляет собой в той или иной мере способность человека (познавательную или интерактивную);
- 4) стиль так или иначе организует процесс мышления;
- 5) в функциональном плане стиль обусловлен внешними требованиями, а значит, содержанием отражаемого» (Селиванов, 2001: 29)

(ПРИМЕЧАНИЕ: Если считать, что частью когнитивного стиля является и «речевой стиль», то не только установление соотношения психологосем в их вербальной оболочке с другими составляющими

когнитивного стиля, но и характера ее веса/суправербальной формы (внутренней формы) относится к числу наисложнейших проблем, отнюдь не решаемых ссылкой на эйдетическую энергию (Медведева, 1999: 6; 38) См., например у Прокла: «§ 16. *Все способное возвращаться к самому себе имеет сущность, отдельную от всякого тела*).

В самом деле, если она не отделена от какого-либо тела, у нее не будет и никакой отдельной от тела энергии, потому что если сущность неотделима от тела, невозможно и энергии быть отдельной от тела, поскольку в таком случае энергия превзойдет сущность (так как последняя нуждается в телах, та же – самодовлеющая и принадлежит себе, а не телам). Поэтому если что-нибудь неотдельно от сущности, то в равной степени оно неотдельно и по энергии или даже в большей степени. Если же это так, то оно не возвращается к самому себе (ведь возвращающееся к самому себе, будучи отличным от тела, имеет энергию, отличную от тела и не через тело или с телом, если действительно энергия и то, на что направлена энергия, нисколько не нуждается в теле). Стало быть, возвращающееся к самому себе во всех отношениях отдельно от тела» (Прокл, 1999: 21-22). *Комментарий*: «По-видимому, Прокл хочет сказать следующее. Энергия возвращения к самому себе ... бестелесна. Но никакая энергия не существует сама по себе, а существует только как проявление соответствующей сущности. Следовательно, и сущность этой энергии бестелесна. Если же эту бестелесную энергию возвращения связывать с телесной сущностью, то тогда получится, что энергия будет превосходнее сущности, что нелепо с точки зрения общего учения о сущности и энергии» (Прокл, 1999: 256).

Показательны также и две другие леммы Прокла: «§ 73. С одной стороны, всякое целое есть одновременно и нечто сущее и причастное сущему, с другой же, не всякое сущее есть одновременно и целое. <...> § 74. Хотя всякая форма есть нечто целое, так как состоит из многих [элементов], каждый из которых составляет форму; однако не всякое целое есть форма» (Прокл, 1999: 60-61). *Комментарий*: Эти два §§ 73-74 представляют собою вершину феноменологической четкости и зрелости философии Прокла. <...> «Сущее – то, что существует само по себе, независимо от нашей точки зрения на его содержание. Целое есть такое сущее, которое берется вместе со своим содержанием и является принципом неделимой объединенности этого последнего. Форма же, или эйдос, есть такой принцип объединенности содержания, который, отбрасывая все случайное и индивидуальное, что имеется в содержании и его частях, является картиной его сущностного упорядочения» (Прокл, 1999: 263)).

8. В некоторых работах, использующих «термин» *концепт* в качестве инструмента объяснения (тех или иных данных) (см.: Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова, 1998; Сазонова, 2000), но ориентирующихся на спиралевидную модель СЛОВА, возникают не замечаемые, по-видимому, авторами внутритекстуальные противоречия, лишней раз указывающие на расплывчатость используемого ими «термина» концепт, которая позволяет и такое толкование *концепта* ..., которое вряд ли может быть согласовано с

идеей спиралевидной модели: «концепт (понятие, десигнат) есть совокупность общих и существенных признаков целого класса образов» (Шабес, 1989: 18). В свою очередь, я полагаю возможным считать, что если концепт – это понятия, то психологосемы – это ОБРАЗЫ ОБРАЗОВ того предметного (внешнего контекста) и не предметного/ментального (внутреннего контекста) мира, на который мы осуждены.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Вопреки мнению В.Я. Шабеса, полагающего, что «Сцена и образ представляют собой уникальную единичную комбинацию признаков; события и концепт инвариантны и уникальны; признаки события и концепта представляют собой инвариантных наборов признаков, соответственно, сцены и образа» (Шабес, 1989: 20), я рискну утверждать следующее: уникальны события и образы, а сцены и концепты – ауникальны. Именно динамика событий создает сцену, которая стремится их унифицировать, гася уникальные признаки психологосем).

9. На вопрос, вынесенный в заголовок статьи, ответ почти очевиден: концепт – это квазиметодологическая категория.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
2. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Г.И. Берестнев. – Москва, 2000.
3. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. – М., 1990.
4. Джонсон-Лэрд П.Н. Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии / П.Н. Джонсон-Лэрд. – Барнаул, 2001.
5. Залевская А.А., Каминская Э.Б., Медведева И.Л., Рафикова И.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста / А.А. Залевская, Э.Б. Каминская, И.Л. Медведева, И.В. Рафикова. – Тверь, 1998.
6. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь, 2001.
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996.
8. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / И.Л. Медведева. – Уфа, 1999.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб., 1999.
10. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. – Курск, 2000.
11. Палама Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих / Г. Палама. – М., 1996.
12. Прокл. Первоосновы теологии / Прокл. – М., 1993.

13. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста / Н.В. Рафикова. – Тверь, 1999.
14. Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т.М. Рогожникова. – Уфа, 2000.
15. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь, 2000.
16. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук / В.В. Селиванов. – Москва, 2001.
17. Степучев Р.А. как семиотической системы в коммуникации человеческого общения / Р.А. Степучев. – М., 1991.
18. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М., 1997.
19. Шабес В.Я. Событие и текст / В.Я. Шабес. – М., 1989.

References

1. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka / A.P. Babushkin. – Voronezh, 1996.
2. Berestnev G.I. Samosoznaniye lichnosti v zerkale yazyka: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk / G.I. Berestnev. – Moskva, 2000.
3. Vilyunas V.K. Psikhologicheskiye mekhanizmy motivatsii cheloveka / V.K. Vilyunas. – M., 1990.
4. Dzhonson-Leard P.N. Mentalnyye modeli // Kognitivnyye issledovaniya v yazykovedenii i zarubezhnoy psikhologii / P.N. Dzhonson-Leard. – Barnaul, 2001.
5. Zalevskaya A.A., Kaminskaya E.B., Medvedeva I.L., Rafikova I.V. Psikholingvisticheskiye aspekty vzaimodeystviya slova i teksta / A.A. Zalevskaya, E.B. Kaminskaya, I.L. Medvedeva, I.V. Rafikova. – Tver, 1998.
6. Zalevskaya A.A. Tekst i yego ponimaniye / A.A. Zalevskaya. – Tver, 2001.
7. Kubryakova Ye.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Kratkiy slovar kognitivnykh terminov / Ye.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. – M., 1996.
8. Medvedeva I.L. Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya leksiki nerodnogo yazyka: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk / I.L. Medvedeva. – Ufa, 1999.
9. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya / M. Merlo-Ponti. – S-Pb., 1999.
10. Myagkova Ye.Yu. Emotsionalno-chuvstvennyy komponent znacheniya slova / Ye.Yu. Myagkova. – Kursk, 2000.
11. Palama G. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh / G. Palama. – M., 1996.
12. Prokl. Pervosnovy teologii / Prokl. – M., 1993.
13. Rafikova N.V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov ponimaniya teksta / N.V. Rafikova. – Tver, 1999.

14. Rogozhnikova T.M. Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya polisimantichnogo slova: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / T.M. Rogozhnikova. – Ufa, 2000.
15. Sazonova T.Yu. Modelirovaniye protsessov identifikatsii slova chelovekom: psikholingvisticheskiy podkhod. – Tver, 2000.
16. Selivanov V.V. Myshleniye v lichnostnom razvitii subyekta: Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk / V.V. Selivanov. – Moskva, 2001.
17. Stepuchev R.A. kak semioticheskoy sistemy v kommunikatsii chelovecheskogo obshcheniya / R.A. Stepuchev. – M., 1991.
18. Cherneyko L.O. Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni / L.O. Cherneyko. – M., 1997.
19. Shabes V.Ya. Sobytiye i tekst / V.Ya. Shabes. – M., 1989.

(0,44 п.л.)